

ЗАВТРА, В 9-00, НА КИЛИМАНДЖАРО

Ну и намерзся я в этой Африке!

А говорят, жара!.. Чаще я слышал не жара, а Нджаро. Нджаро – это Бог Холода. Такой парадокс, если верить местным, он живет на горе Килиманджаро. Килима означает гора, а если перевести целиком это замечательное слово, получится гора Нджаро, иначе говоря –

Обитель Бога Холода. В эту самую обитель мы и поперлись с Сергеей. Как-то не вязалось в сознании – Африка и холод, потому плоховато оделись.

Давнее заблуждение. Вообще долгое время считалось, что Африка недостойна снежной вершины. Даже великий географ Гумбольдт сказал по этому поводу примерно так: «Снег в трех градусах от экватора?.. Это уж слишком, коллеги, полный абсурд!» Чтобы понять гору, мало быть великим географом, надо еще быть альпинистом. Таким и был немец Ганс Майер. В 1889 году он поднялся на гору, мало того, спустился с нее живым и здоровым. И заявил миру: «Это снег, самый настоящий, а никакой не обман зрения». И мир услышал его.

Что же касается местного народа, то он был больше богобоязненным, чем любопытным и не совался в обитель Нджаро. И это правильно, так вот без приглашения, ни с того, ни с сего забуриться к Богу в гости?!.. Между тем поутру, когда нет облаков, как в старые времена, так и нынче, за многие мили виден белый сверкающий венец, плывущий высоко над саванной. На языке суахили гора так и называется «белая», «сверкающая». Понятно, снег сверкает. Африканцы же, снега в жизни не видевшие, кивали на Нджаро, дескать, сия иллюминация – его волшебных рук дело.

Такая история. Один вождь племени джагга – легенда не сохранила его имени, поэтому назову его Плимом. Почему именно Плим? Потому что так хочу. Как хочу, так и называю, – так вот, этот Плим, будучи, очевидно, материалистом по природе, не боялся небесной кары и знал толк в драгоценных металлах. Однажды утром он как обычно сидел под баобабом, у своей глиняной хижины, и от нечего делать тупо смотрел на сверкающее кольцо – как вдруг его осенило: так сверкать на солнце может только серебро! Он отобрал самых храбрых и сильных воинов и отправил их в экспедицию за драгметаллом. Семеро в пути замерзли, но трое отважных воинов-восходителей все же достигли сверкающего кольца, набрали полные корзины «серебра» и пустились в обратный путь. Но по мере того как они спускались с горы, «серебро» это обращалось в воду, и вернулись они к Плиму с пустыми корзинами.

Прошло время, гору стали изучать научные авторитеты, на нее проложили маршруты альпинисты, сходил на нее, повалялся в снегах старик Хэм... Вот и мы с Сергеей...

А ведь могли эту неделю прожить красиво, пузом вверх, на пляже благословенного Занзибара.

Штука в том, что мы видели сверкающее кольцо, когда пилили на автобусе из Танзании в Малави. Наденьте на меня мешок, вяжите меня семеро – не надо было смотреть! Глянул – и вроде как поманила.

Поманила – это несерьезно... Зачем вообще человек поднимается на высокие горы? Четкого ответа я пока не нашел. И даже среди моих знакомых альпинистов нет таких, которые могли бы как-то однозначно ответить... Разве что Плим знал, зачем нужна ему эта гора. Но и он, как видите, ошибался. Впрочем, ему простительно – в России не был, в университете имени Патриса Лумумбы не учился.

Говорят еще: проверить себя. Не отрицаю, и этот романтический мотив присутствовал у меня среди прочих. Можно по-разному себя проверять. Почти три года я проверялся, регулярно сдавая анализы. А тут появилась возможность проверить всего себя целиком, обстоятельно и всего за шесть дней. Суть метода: на горе твой организм начинает глючить от недостатка кислорода, и ты отслеживаешь запас прочности своих органов. Первым заклинит тот орган, в котором самые большие проблемы. Вторым... Про второй ты узнаешь, если решишь проблему с этим первым. Должен же я знать, как работают ноги, сердце, печень, почки... Окей, собрали рюкзаки, пошли.

Стоп. Не так-то просто. Сначала надо заплатить турфирме за вход в национальный парк «Килиманджаро» и ее услуги. «Сдалась нам эта фирма, – сказал я Сереге, – мы лучше сами, своей тропой». Поинтересовались – в Танзании такой вариант исключен. Если вдруг найдется такой типа сам по себе тертый перец, то непременно будет вычислен и выдворен как угроза государственной безопасности. В Африке за вход в национальные парки берут немалые деньги. Во-первых, доход в бюджет, во-вторых, таким образом решается проблема занятости населения. Нас двоих сопровождало трое. Неловко было смотреть, как портер (носильщик) тащит мешок на голове с твоей жрачкой. Мы задались вопросом: а почему бы не приспособить ишаков, их достаточно в Африке, таскаются по дорогам чаще без дела и без всякой поклажи? Нам объяснили: если уволить всех портеров и отдать их работу ишакам, неизбежна революция. Беспорядки начинаются тогда, когда людям нечего делать. Так что пусть ишачат.

У ресепшна, перед триумфальным входом в национальный парк Килиманджаро, толпился народ, разный по цвету кожи и разрезу глаз, пестрый по прикиду: куртки, ветровки, кроссовки, ботинки... все фирменное, все супер... с единым выражением на столь непохожих фейсах – собственной значимости и торжества момента. Кто делал растяжку, кто массировал ноги. Рослый, весьма атлетического сложения немец в красной ветровке, отойдя в сторонку, под пальму, выполнял комплекс упражнений альптренинга по Штейну, специальная разработка для Килиманджаро. Поскольку гора мистическая, то и упражнения с эзотерической подкладкой: 5 раз присесть, 8 раз подпрыгнуть, 9 раз рыгнуть и 5 раз пукнуть. «Айнс, цвай, драй, фир...» Техника гарантировала успех уже потому, что количество отдельных упражнений, если поставить в ряд, составит число 5895, а это и есть высота заветной вершины. Два японца, очевидно, братья, сначала я их принял за роботов, увешанные оптикой и всевозможными говорящими и пускающими лучи приборами, были полностью готовы и застрахованы продвинутой электроникой от всех невзгод и уже нетерпеливо тыкали альпенштоками землю, стучали каблуками, больше похожими на копыта, выбивающие электрические искры ботинок. В отличие от подавляющего большинства они не казались качками, как бы выступая в неправдоподобно наилегчайшем весе.

Альпинисты народ продуманный, многие тренировались перед походом по специальным программам, поднимались на менее высокие горы, дышали разреженным воздухом, чтобы организм имел возможность адаптироваться к недостатку кислорода. Вот и мы с Серегей...

- Может, по пивку, по «таске»?
- Нет уж – я лучше по «Серенгети».

Мы тоже готовились, но, как видите, по-своему. И еще так получилось, что больше месяца мы прожили в машинах, находясь преимущественно в скрюченном положении. Прогнали 10 тыс. км по Африке, хватанули впечатлений и вот, наконец, выпали из машины, со скрипом в заклинивших суставах распрямились.

Потусовавшись для порядка, мы вместе с другими восходителями отметились в журнале и, опираясь на альпенштоки, взятыми напрокат, похромали по дорожке, что ведет на самую аж на вершину Килиманджаро, кхе-кхе...

Первый день никаких проблем в наших организмах не выявил. Легко шагалось по песчаной красной дорожке. Не восхождение, а приятная прогулка. Банановые и кофейные плантации, кукурузные поля остались внизу. Моховые бороды свисают со стволов и веток, сквозь зеленые завесы солнце едва пробивается, земля устлана также влажным мхом – жутковатая сказочная берендеевская чащоба. Я сорвал гриб, один к одному масленок, запах, правда, не такой ароматный, как у нашего. Веет приятной прохладой. Навстречу с горы, от ледника, стремительно бежит, прыгает с камня на камень, образуя небольшие водопадики, речушка.

Так вот беспечно шагая, я оторвался немного вперед, и... о, черт!..С высоты обрушилось нечто большое и лохматое. Первой мыслью было: «Слава богу, не леопард! – И следом ошпарило: – Йети?! Снежный человек! Надо же! Йетит твою!..» Леопарда я видел только издали – и достаточно. Эти пятнистые кошки – тоже порядочные отморозки, вроде гиены или крокодила, никакого пиетета перед венцом творения... Лохмач, зацепившись длинными руками за ветку, висел передо мной и раскачивался. Он смотрел на меня широко открытыми глазами и его черное лицо, с вздыбленным гребнем черных волос, неряшливо обрамленное белыми космами, молча, но страшно выразительно вопило от ужаса. Мне казалось, что я даже очень хорошо понимаю, что оно мне вопит: «Стой! Ты что ли охренел?! Ты хоть знаешь, куда идешь?! Остановись, поворачивай назад, пока не поздно!» Я рассмотрел лохмача: вид легкомысленный, как у подростка, который решил одеться по моде, не зная при том никакой меры. Похоже, что на спину было накинуто меховое пончо, также отороченное белыми лохмами, длинный хвост украшен белой пампушкой – трагикомический персонаж, черно-белый кривляка, серьезного отношения к себе он не заслуживал. А ведь заставил меня вздрогнуть, честно говоря, я испугался от неожиданности – ну, получай! Я обложил этого примата матом – лохмач, поняв меня с русского полуслова, стремительно взлетел по дереву вверх. Там, наверху, обретался еще один такой же. Откинувшись на переплетенные лианами ветки, под веером древовидного папоротника по-гурмански задумчиво и с толком он жевал листочки. Приматы эти, хотя были и не йети, а гверецы, – позднее я разобрался – куда больше были похожи на человека, чем любой другой примат и даже сам человек похож на себя – все страсти и переживания на

лице, особенно те, которых нет. Шекспир бы с места не сошел, наблюдая, как гверцы гри-масничают. Вот и я тоже понаблюдал еще за ними, поджидая своих товарищей.

Идем, поднимаемся выше, и я нахожу, что у нас чудесная компания. Это хорошо, когда есть рядом человек, который может ответить на вопросы, удовлетворить твой вдруг проснувшийся познавательный интерес.

– Что это за бородатый лес, что это за деревья? – спрашиваю я у нашего гайда (гида) Мвини.

Склоны Килиманджаро до высоты 2700 облюбовали деревья фалькабас, что славятся своей сверхтвердой древесиной, рубить их запрещено, они находятся под защитой танзанийского правительства.

Мвини обстоятельно отвечает на все вопросы. Окончил школу гидов, сдавал экзамен. А перед этим – как обязательные ступени карьеры – три года портером, год куком (поваром). Видя наш интерес, он с удовольствием демонстрировал свои познания: эта травка от расстройства желудка, эта – природная виагра. Из листьев этого куста готовится хмельной напиток... Это съедобные ягоды ротберри. Хороши ягодки, похожи на нашу малину.

Они любят эту гору, всё про нее знают и готовы таскаться по ней непрерывно. Их зарплата за 6 дней – тип (чаевые), которые мы им заплатим. Рекомендуются 20 долларов. Мы заплатили по 40.

Прошли километров 12 и оказались на высоте 2700 над уровнем моря. Часа в 4 вечера мы были уже в лагере Мандара, у нас еще оставались время и силы прогуляться к кратеру Маунди.

Кратер небольшой, идеально круглый и очень уютный. Спустились... Тихо, вулкан спит многовековым сном. И ветер улегся, не смея пошевелить листья трав, мягко устлавших кратер. И мы почему-то стали говорить шепотом. Поднялись, прошли по кромке кратера. Здесь росли дивные белые цветы протeya килиманджарская, бородатые деревья уступили место бородатым вересковым кустам, карликовым деревьям. Ага, вот она какая тропическая тундра!

Из-за облаков проявилась заснеженная вершина.

– Это Килиманджаро? – спросил я.

Вопрос был поставлен не корректно. Штука в том, что мы уже стояли на вершине. Маунди – одна из вершин Килиманджаро. Около 2800 м. Сейчас мы смотрели на другую – Мавензи. Около 5150 м. Путь же наш лежал на самую высокую вершину – Кибо (5895 м). На запад от Кибо есть еще и четвертая вершина – Шира (3962 м). Стало быть, Килиманджаро это не гора, как думают многие, а гигантский горный массив о четырех вершинах. Четыре вершины – четыре вулкана, извергавшиеся в памятные разве что богу Нджаро времена. В интернете распространена деза, что Килиманджаро – единственная гора, которая возвышается над равнинным континентом. Должен возразить, горами Африка не обделена. В 150 км от Найроби есть гора Кения, ее вершина, тоже между прочим

заснеженная, возвышается на 5199 метров. Немало мы проехали гор, и не раз замирал дух, когда кружили по серпантину дорог на юге Танзании и в Малави.

Увидели Мавензи и очаровались – безумно красивая зубчатая, покрытая снегом вершина. Но всё внимание, все подношения достаются Кибо – она все-таки самая высокая.

Наконец-то я их встретил! Так хотел увидеть лобелию, обнять сенецию. Кто такие? Я и сам не так давно с ними познакомился. По интернету. Это очень красивые растения. И умные. Да, такое вот редкое сочетание. Тут на высоте, довольно прохладно, и надо как-то приспособиться к суровому климату. Сенеция укрылась старой листвой, укутала ствол сотканым ею ватным одеялом и назло мерзлоте, как флаг победы над ней, выбросила полные жизни зеленые листья.

Поднимаешься в гору и заодно путешествуешь из лета в зиму, с юга на север. А тут и вовсе: из тропиков в самое что ни на есть заполярье. Меняется климат, меняются пейзажи. Поднялись сколько-то – и уже никаких тебе баобабов. Зато другие дивные растения, другие, иной неожиданной красоты пейзажи.

Помню, поднимались мы на Каян, прошли сначала зону обычных наших смешанных лесов, пожили пару дней под алтайскими кедрами, и перед тем как штурмовать снежную вершину, вдруг попали в настоящую тундру. Вижу карликовую березку, мелкую, с вершок, полярную иву. Пахнуло багульником, аж голова кругом... Такой подарок – десять лет не был в тундре... Нет, здесь совсем другой колер. Единственное я заметил совпадение, эта неброская травка – овсяница. У нас она растет у самого Ледовитого океана. И здесь на высоте 4500, где уже ничего не растет.

Утром Серега еще продолжал горланить пионерские, туристские, народные, какие помнил, песни. Мне уже не пелось – с чего-то вдруг начало колоть пальцы. Будто вонзились сотни иголок... Ожидал, конечно, что горная болезнь заявит о себе, но не думал, что так скоро и таким образом. Надо полагать, где тонко, там и рвется. Тонко в сосудах. По ходу я растирал онемевшие пальцы и думал о том, что лагерь Хоромбо, к которому мы доберемся к вечеру, будет для меня последним, отмечусь на высоте 3700 и поверну назад. Там и закончится мое восхождение. В сущности, если даже так, все равно я здесь не зря, успел кое-что увидеть.

Оглянулись – ого, сколько отмахали! Часть облаков, самых ленивых и брюхастых, лежит внизу. Температура около нуля. Ночью чуть ниже, днем чуть выше. Умница сенеция растет здесь в изобилии. Ей нравится такое срединное состояние.

Хорошо, что следующий день был отдан на акклиматизацию, и мы выше не пошли, а провели день в лагере, совершив только экскурсию к горе Зебра. Но плохо то, что пошел дождь. И это несмотря на сухой сезон. Мелкий занудный, осенний дождь. У Зебры мы

основательно промокли, к дождю не были готовы. С завистью смотрели на предусмотрительно экипированных настоящих альпинистов. Обрядились в плащи, набросили полиэтиленовые накидки – и дождь ничем. Моя новая голубая курточка, как и я, не выдерживала проверки, хотя в «Спортмастере» уверяли: не промокает, держит тепло. Сушиться негде, хижины в лагерях не отапливаются, собачий холод. Залезли в спальники, надев на себя все что есть. Тонковат, однако, спальничек.

Пальцы колоть перестало. По нашей маршрутной карте на следующий день предполагалось подняться еще на тысячу метров. Пойду, пожалуй. На этом этапе дождя точно не будет, если пойдет, то уже снег...

Тропа хорошо протоптана, почтить Ее Величество Килиманджаро приезжают люди со всего мира. Идем и встречаем тех, кто спускается с горы. «Джамбо», – говорим при встрече. И нам отвечают: «Джамбо». Если перевести это слово как «здравствуй», будет далеко не полный перевод. По тому, как ответно расплываются в улыбке африканцы, можно заключить, что слово это означает гораздо больше: и ты будь здоров, и все твои родные и друзья пусть будут здоровы, и твой скот, и твои собаки, и кошки, весь, короче, мир, видимый и невидимый, пусть будет также здоров и счастлив. Суахили – это такой немногословный язык, в лексике которого сохранились слова, содержащие мощную первоизданную энергию. Мы говорим «привет», «хай». Но это пустые, поистрепавшиеся, давно утратившие силу слова. Просто знак приветствия и не более того. Здесь же, если тебе сказали «джамбо», жди, это непременно положительно отразится на твоём здоровье. А мы еще добавляем: «Акуна Матата!». Опять же перевести как «никаких проблем, жизнь без забот» – отразить лишь буквальный смысл. По тому, с какой белозубо-губастой радостью нам отвечают африканцы «Акуна Матата!», это не просто пожелание. Слова непременно дойдут до высших инстанций и оттуда спустятся с резолюцией «немедленно исполнить!» Уверяю, исполнится: акуна матата! – все будет хорошо! Мзунги (белые) на третий день обычно усваивают эти магические формулы и всю пользу используют для своего и общего блага. Мы убедились, этого запаса слов вполне достаточно для душевного общения с первым встречным и пения хором с масаями и кикуйями. Сразу видно новичка-мзунгу, он еще позволяет себе сказать «хай». Но мы-то поколесили по Африке, и добавляем еще одно волшебное слововыражение – «Поле-поле» (слоули-слоули, мало-помалу). Это самая суть африканского менталитета. Только так потихонечку, мало-помалу и можно достигнуть своей цели, а лучше и не думать ни о какой цели, а просто – жить. «Как живешь?» – «Потихонечку». Идем, поднимаемся...» Поле-поле – только так, а не иначе.

В одном лагере переночевали и в другом. Приглядываюсь и начинаю замечать, что вся эта разноцветная публика очень даже мне по душе. Открыта, доброжелательна, жизнерадостна. Есть нечто общее, что нас всех сближает. И это Килиманджаро, она призвала к себе родственных по духу людей, не важно какой национальности. Ощущать эту братскую общность со всеми этими, хотя немного и ненормальными, но симпатичными

людьми чертовски приятно. Вечером в столовой лагеря при свечах есть возможность пообщаться. Только не у меня. Скучен, увы, мой запас английских слов. Зато Серега общается вдоволь. С датчанами, немцами, японцами... Все говорят по-английски, даже англичане. Серега признается, что с англичанами труднее всего. Очевидно, заставив весь мир говорить на своем языке, они забежали несколько вперед в своем языковом развитии. Остановитесь, вообще, послушайте, как люди говорят. Научили – так не снимайте с себя ответственности.

Надо сказать, за 45 дней мы не встретили ни одного русского. Африку русские не здорово осваивают. Во-первых, дороговато. Во-вторых, и не везде нас сильно ждут. Когда я попытался купить визу в Замбию через одну московскую фирму, она нетвердо пообещала сделать мне ее примерно за 800 баксов. Что я с баобаба рухнул – отдавать такие бабки?! Тут мы с Серегой пошли к границе с Замбией своим путем, и правильно сделали.

Как же мы обрадовались, когда вдруг услышали:

– О, братья славяне! Привет!

Мы остановились, чтобы Серега заснял очередной пейзаж без баобаба, но опять же с облаком как главным действующим лицом. Нас обгоняла группа из Чехии. Хорошо экипированные, не сильно молодые, этакие крепкие бывалые зубры. Оказалось, живут в маленьком городке на границе с Австрией, горы, понятно, – родная стихия. Услышав наш разговор, они тотчас начали демонстрировать свое знание русского языка.

– Водка нет, – сказал один.

– Неправильное выражение, – указал я ему на ошибку. – Водка есть.

– Нет некрасивых женщин – есть мало водки, – это сказала, обращая внимание, женщина.

А один джентльмен просто покори нас.

– Я вам пишу, чего же, как говорится, боле...

И процитировал приличный кусок из «Евгения Онегина». Невероятно. Откуда, как, почему они знают русский язык?

– Учили в школе, – просто объяснила женщина, которую звали Милена. Она – видно по всему, была отличницей, – говорила почти без акцента.

«Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» – в результате мой немецкий, которому, как мне кажется, меня учили, ровно так же плох, как и английский, которому определенно не учили.

В дальнейшем по ходу действия к вершине мы часто встречали славянских братьев, то они нас обгоняли, то мы их.

Перед нами – облака, позади нас – облака. Как-то незаметно переступили грань, где кончается туризм и начинается альпинизм.

Мой друг – чокнутый кинематографист. С этим определением он не спорит. Встает затемно, ни одного рассвета не пропустил. Я еще дрыхну, а он уже снимает. Две камеры,

сменные объективы, штатив. Все тащит в своем фирменном рюкзаке, никому не доверяет. А тут такая натура – Тарковскому не снилось! Другая атмосфера, иная тончайше сотворенная реальность – из воздуха, мельчайших водяных капель, называемая облаками. Над всей Африкой властвует Килиманджаро, и тут ее заоблачно-фантастический театр. Мы допущены к просмотру с ее высочайшего позволения, я полагаю, за труды, за то, что дошли, преодолевая свою утлую физическую природу. Как и все Боги, Нджаро скучал бы, не принимая участия в жизни людей и не устраивая для них чудесных явлений. А он мастак на всякие выдумки. Представляю, вольготно так, полулежа, развалился на вершине, на так называемом Кольце Кибо, и дует. А встречу его ледяному дыханию дует снизу экваториальная африканская Жара. На высоте где-то около 4 тыс. метров, как раз там, где стоим мы с Серегой, воздушные стихии встречаются, и здесь в неистовом соитии двух творческих дыханий прямо на наших глазах рождаются облака и происходят чудесные явления. Богу Нджаро весело, как мальчишке, который выдувает мыльные пузыри.

Откуда ни возьмись появляется безногий негр-портер в ярко-красной куртке, на голове большущий мешок. Тащит мешок, улыбается и говорит «джамбо!» Этот план длится долго, очень долго, но мы не в силах оторвать глаз, а он уже и не безногий, а вообще половинка. Полнегра продолжает весело идти и говорить «джамбо!» А потом и вовсе остается от несчастного одна голова, которая упорно продолжает нести мешок и весело говорит «джамбо!»... Но и голова пропадает, остается один мешок и «джамбо!..И еще через минуту говорящий мешок исчезает – и остается только «джамбо!» Кстати, и тропы тоже нет, как раз на ней и народилось облачко. Совсем еще кроха, облачный детеныш, дымка. Но оно довольно быстро пухнет, растет, набирает массу...

Все участвуют. Успех гарантирован. Само солнце взяло на себя роль осветителя, ветра отвечают за динамичность сюжета. На что горы миллионы лет как застывшие и недвижимые – в игре с солнцем и облаками всякий раз, как посмотришь, выглядят иначе.

Декорации меняются по ходу нашего действия. А наше действие – идти вперед и выше.

Облако выросло, стало большим – перед нами взрослая воздушно-капельная мыслящая сущность. Хищно крадется, поглощая камни, кусты, четверых японцев с рюкзачками, стеками, гайдом и портером, напозаает на нас, захватывая и прижимая к себе искристым белым протуберанцем. Сначала напозаает на Мвини и Ники, они впереди. Вот уже их почти не видно – силуэты бледнеют, перевариваются, объятые белыми вихрями. Серега закашлялся. И кашель его был глуховатым, каким-то ватным. И я покашлял за компанию. Дышалось тяжело, воздух входил трудно. Казалось, застыл на холоде, хватай его кусками, запихивай в горло... Попили водички. Брызнуло лучистое солнце. Облако пало несколько ниже – выше на тропе образовались живые и невредимые японцы. В морозном мгновенно прояснившемся воздухе высветилась заболоченная долина, поросшая райскими сенециями. Но самое главное, мы увидели саму вершину Кибо. Ярчайшим солнечно-белым серебром светился кратер. Какое-то время мы смотрели на нее. С востока от Мавензи над-

вигалось еще одно плотное до густой синевы облако. Медленно, как занавесом закрыло вершину. Нельзя долго смотреть, баста – слишком красива!

Мы вышли из Хоромбо, и время уплотнилось. Подъем круче, шли медленнее, чаще останавливались. Временами покалывало в пальцах. Когда мы подходили к лагерю Кибо Хат, уже ничего не росло, даже овсяница, пейзаж исключительно марсианский – камни и песок. Килиманджарский ворон, сопровождавший нас в надежде, что мы поделимся своим ланчем или, что еще лучше, сами отбросим копыта, отстал, поморозив крылья. Температура стойко минусовая. Здесь впервые вблизи увидели африканский снег, его еще было немного – лоскуток с мой прикроватный коврик.

– Вернись, – сказал мне Серега, – лег на землю и нацелился камерой, – пройди еще раз и наступи.

След моего немецкого ботинка смачно – и благодаря Сереге уже навечно – отпечатался на первозданно-белом снегу.

Большая часть облаков уже была внизу.

Встретился немец, тот самый атлет в красной куртке. Для него восхождение закончилось. В отличие от нас у него на все про все было пять дней. Думаю, день на акклиматизацию, который был у нас, все-таки много значит. Серега поговорил с ним. Оказывается, дошел до 5200 – и вдруг колени задрожали. Ходят ходуном – никак не унять.

Два портера вели под руки, почти несли, обмякшую девчужку. Еще двое схватили валявшуюся обочь тропы телегу с одним колесом, покатали. Ну, началось... Серега мог получить хороший план, но он сказал: «Нет, это низко снимать человека в беспомощном состоянии». Чокнутый кинематографист, но, что встречается значительно реже, не бессовестный. На этой телеге комфортно ехать разве что покойнику, а у еще живого все равно душу вытрясет. Нет, я согласен только на носилки.

По статистике до вершины доходят 30–40 процентов восходителей. Статистика интернетовская, так что не знаю, стоит ли ей доверять.

Было шесть вечера, когда мы, достигнув Кибо Хат, упали на нары и зарылись в спальные мешки. Здесь в это время уже темнеет. В полночь мы должны были начать штурм вершины.

Последние два дня мы почти не ели. Наш кук всячески старался нам угодить. Пока сидели за столом, деликатно держался в сторонке, потом подходил, с волнением заглядывая в глаза, спрашивал: «Ну как?» Будто ожидал приговора: «казнить» или «помиловать». Хвалили, хотя, по правде сказать, при виде результата его стараний у нас начинались рвотные спазмы. Даже мой любимый плод манго казался вызывающе желтым и приторным. Дело не в куке, не в продуктах, не в специфическом африканском соусе, не в протертых супах – неизвестно, какая там растительная хрень перетиралась, – скорее всего, горняшка ударила по печени. Не нам одним. Двум австралийцам так ударила, что они уже три часа наперебой блевали за сортиром для портеров.

Попив чаю, закрепив на голове фонарики – спросонья не совсем понимая, куда и зачем, – мы ровно в полночь вышли из хижины. Кашляя, чихая, сморкаясь и матерясь, мы встали на тропу. Впрочем, тропы уже не было – целина, песок и камни. Почему именно ночью надо штурмовать вершину? Издевательство, специально придумали, чтобы досадить нам, мзунгам! Но Мвини объяснил: единственное время, когда вершина свободна от облаков и можно полюбоваться окрестностями, это раннее утро. Стало быть, к рассвету и надо подняться на вершину. Впереди нас поднимались группы и позади нас тоже. У каждого восходителя на лбу звездилась лампочка светодиодного фонарика. Глянул на небо. И на небе звездочки. Не отличить: каждый из восходителей лучился как восходящая звездочка. И каждая звездочка светодиилась, как восходитель. Какой-то неведомый колдовской ритуал... холодок внизу живота, странное волнение, будто восхожу, поднимаюсь на самое небо. К Богу. Или схожу, схожу с ума. Абсурд, уму непостижимо... Но не я же один, не может же быть сразу столько сумасшедших!

Сначала шла сыпуха. Ставишь ногу, скатываешься назад, ставишь другую... эта сыпуха выматывает последние силы. Отсутствие энергии – это тоже горная болезнь. Нет кислорода в атмосфере, нет его и в крови, нет, стало быть, энергии. Твои же собственные органы отказываются тебе служить. Сила воли, твердость духа – пустые слова. Одно дело ты, другое твоё тело. В какой-то момент оно говорит тебе: хватит, достал, иди-ка ты, парень, со своей силой воли и волей силы, знаешь куда?!..

– Поле-поле, – повторяет Ники.

Это точно, понемногу, мелкими шажками, главное поймать ритм: движение-дыхание... сбился – и начинаешь задыхаться.

Мы ждем Серегу с Мвини, отдыхаем. Наконец сыпуха кончилась, началось скалолазание. Технически не сложное. И если бы не высота, не отсутствие кислорода, справились бы легко. Дует ледяной ветер, я надвигаю взятую напрокат шапку, торчит только нос. Сразу и сдираю ее с головы, отчетливо представив, что тотчас задохнусь.

5300. Серега сказал, что поворачивает назад. Сердце. С сердцем шутки плохи. Они с Мвини потихоньку двинули обратно.

Очевидно, горняшка ударила мне не только в пальцы и печень. Соображалось как-то туговато, только поэтому я и не повернул назад. Представил: сейчас пойду вниз – опять по сыпухе. Нет уж, лучше вверх, по камням. Не сообразил, что в любом случае надо будет возвращаться, пусть позже, но все равно по сыпухе – другого пути нет. Ладно, еще побреду сколько-то. И уже через десяток шагов сбился с ритма и пожалел, что не повернул с Сергеем. Но посидел на камне, отдышался – и вроде полегчало.

Мой фонарик как-то быстро иссяк, и Ники, идя на шаг впереди, оборачивался, подсвечивал мне под ноги. То и дело путь преграждали гигантские глыбы – обходили, почти кружа на месте.

Обогнали американцы, и меня это почему-то зацепило. Хотя, повторяю, я не спортсмен, и все-таки турист, а не альпинист. Мне что, побродяжить, посидеть у костра, найти,

как говорят в Африке, на свою маракую приключения. Американцы как-то не по-трезвому возбуждены, глаза даже в темноте шальные. И вроде даже покачиваются. Хватанули рому? Это им ни к чему. У них другой кайф. Кажется, я раскусил этих ребят. Что может заставить человека испытывать колоссальное напряжение, добровольно балансировать на грани жизни и смерти? Только наркотик. Разговаривал с ними. Тянет, говорят, в горы – ничего с этим поделаться нельзя. Конечно, тянет, на то и наркотик, раз попробовал, еще хочется. Если хотя бы на год отлучить их от гор, начнется ломка. Они станут невыносимы в семье, бесполезны на работе, а то и слягут на диван в беспросветном депресняке. А возвращаются героями, на вершине своей славы. Думаю, никакой это не героизм, а чистая биохимия. В чем суть, поясню: в анаэробном состоянии, когда за недостатком кислорода не происходят в должной мере окислительные процессы и образуется избыток молочной кислоты, организм вырабатывает гормоны, которые действуют вроде морфия. В народе говорят, второе дыхание... Чем хорош естественный наркотик, голова наутро не болит. Такое состояние испытывают также бегуны на длинные дистанции. У меня тоже есть скромный опыт: кайфовал, правда, недолго на бетонных работах, когда строил на Нижнем Амуре Город Будущего, последнюю комсомольскую стройку социализма. Десять замесов, двенадцать, шестнадцать... А мне еще подавай... Состояние – как будто водочку хлещешь, десять стопок, двенадцать, шестнадцать... Но даже еще интереснее. Главное, перейти некую грань: тебе тяжело, невозможно тяжело – перешагнул – и как по воздуху летаешь.

Когда же наконец я переступлю эту заветную грань?! Впрочем, уже немного кружилась голова, иногда вело, я поспешно втыкал альпеншток, хватался за камни. Мы шли очень медленно, только так я мог справиться с одышкой; кажется, нашел подходящий ритм, соединяющий дыхание и движение. Может, оно и есть, открылось-таки это чертовое второе дыхание?

Вскоре мы с Ники обогнали братьев славян – слаженная команда, они шли след в след, не особенно растягиваясь по склону, и отдыхали кучкой.

Я то и дело дергал Ники: «Далеко до вершины? На какой мы высоте?» Если ему верить, остался сущий пустык – понимал, что это не так, но поднимался и шел. Ники бывал на вершине, и не раз. Ходить на гору и сопровождать таких ненормальных, каким стал и я, – его работа. Вижу, это ему не в облом. И он всячески старается меня подбодрить, чтобы наше восхождение состоялось.

В конце концов я подумал, это безумие должно кончиться к восходу солнца, так запланировано, и мы идем в общем потоке, несколько не отставая.

Так, похоже, и было. Начало светать, из-за левого склона Мавензи красным прожектором ударило солнце, я увидел стелу поинт с отметкой 5730 м, которую облепили обогнавшие нас американцы. С приятным удивлением, но без особой радости я подумал: «Вершина». Распахнулся озаренный рассветными лучами кратер. Дно его было на удивление гладким, будто вчера только излившаяся лава перестала кипеть, успокоилась и застыла, как застыва-

ет в тихую внезапно морозную ночь озеро. По кромке кратера и по склонам лежали хаотично набросанные гигантские глыбы, они свежо и влажно блестели антрацитовый чернотой. Чистые снега Килиманджаро, подкрашенные алым светом зари, лежали в кратере, у дальней его кромки, тянулись по склонам, опытные туманами и оплавленные солнцем.

Ники тянул меня куда-то дальше, горячо убеждая:

– Санрайз, сноу, то есть восход, снег...

– Вот он санрайз! Я встретил солнце! Вот он снег! Увидел! Что еще? Кратер? И кратер.

Классное место, и я никуда больше не пойду. Дай мне здесь спокойно умереть!

– Нет, там настоящий санрайз, там настоящий сноу.

– Это близко? – строго спросил я.

– The top neabeu... то есть рядом. До меня не сразу дошло, что стела поинт – это еще не вершина. Просто пик, просто точка. Почему-то Ники больше, чем мне самому, хотелось, чтобы я достиг настоящей, самой высокой сияющей вершины.

И мы пошли кромкой кратера по Кольцу Кибо, через каждые несколько шагов я опускался на землю, глотая воздух. Как я теперь понимаю рыбу – худо ей, когда ее из родной стихии, из воды, вдруг выдергивают на берег.

– Всё! – расписался я окончательно в своем бессилии. У меня кончились и второе, и третье, и пятое дыхания. Посидел, прощально окинул взглядом снега и повернул назад, обреченно понимая, что до лагеря мне не дотащиться.

Сколько-то прошли, и вижу – Милена. Одна, остальные братья-славяне куда-то рассеялись. Два альпенштока зажала подмышками, за них ее тянули в гору два портера. Глубокая складка перечертила лоб, вся как есть непреклонная решимость и воля к победе; с героическим усилием она отрывала от земли ногу, силилась шагнуть, но нога опускалась ровно на то же место. Поднимала другую ногу... надо же, какая силища на нее давит, какая чудовищная гравитация! Завязла, ну никак, никак не стронуться с места.

– Куда же вы? – остановила она меня. – Там самая высокая точка Африки, там самая красота. Идите туда, не пожалеете!

– Вы, Милена, отважная женщина, – сказал я ей. – Честное слово, первый раз такую вижу. И спасибо вам, кажется, вы меня вдохновили.

Стыдно поворачивать, я все-таки в отличие от Милены был в состоянии еще как-то сам переставлять ноги.

Мы развернулись и пошли туда, где самая красота, к высочайшей точке Африки. Еще нужно было подняться на 165 метров.

Пахло серой. Знакомо, вдыхал на Авачинской сопке. Вулкан прикинулся спящим, а на самом деле вздремнул вполглаза на пару-тройку миллионов лет, и между прочим, сквозь дрему все видит и слышит.

Было странное чувство, что на меня смотрят тысячи заинтересованных глаз, что я как бы освещен светом заоблачной рампы. Зайду – не зайду – чрезвычайно важно для меня, моей души, для всего мироздания.

– Поле-поле, – услышал я внятный, полный чуткого участия голос.

Я обернулся – Ники рядом не было. Он, взяв у меня камеру, фотографировал снег и меня на фоне этого снега. «Наверно, это Нджаро», – подумал я, такой фантастический оборот дела тогда мне показался в порядке вещей, и я почувствовал некоторый прилив сил.

Наконец, мы достигли точки 5895, стелу обнимали какие-то люди, фотографировались.

– Bravo! Bravo! – поздравлял и радовался Ники, тыкал меня кулачком, призывая радоваться тоже.

Я все равно не радовался. За меня радовался Ники. Альпинист Сергей Тимофеев говорил мне, что радуются на вершине только лохи. Лох я что ли? Настоящий альпинист радуется и отмечает событие, когда спустится вниз. Ведь чаще всего несчастье подстерегает на спуске. Например, сердечная недостаточность. Я думал о какой-нибудь, не обязательно сердечной, недостаточности и о том роковом моменте, когда она меня настигнет. На спуске, или сразу после спуска, или через некоторое время после него. А может, Бог даст, пронесет на этот раз?

Спасибо Ники, что он радовался за меня. Сам же я за себя радоваться не рискнул. Не потому что такой мнительный, а потому что опытный. Было однажды, здорово радовался, чрезмерно даже. А после этого заболел.

Ну вот, я стою и смотрю на снег. Что я, сибирский валенок, снега не видал?! Со снегом все в порядке. Много повидал и разного. Вдоволь купался в пушистых снегах Русского Севера, немало потоптал снег Ямала, и открою вам, леги и джентльмены, он не скрипит под ногами, он – поет. Затвердевший на морозе так, что и трактор не проваливается, на твои легкие шаги отзывается чистым и нежным звуком, ступаешь, как по клавишам: «до», «ре», «ми», «фа»... слушая всякий раз новую с упоительным завыванием ветра симфонию Севера. Помню снег Сахалина: летучий, лепкий, озорной, обильно засыпающий всё и вся вокруг по самые крыши, и снег Чукотки, секущую в лицо остекленело-звонкую крупку, и совсем иной снег Камчатки – то звездно-колючий, то сырой, талый, текучий, вспомнивший свое водное первородство близ извергающегося кипятком термального чуда...

Кажется, ударило-таки в голову. Догнал. Мне как раз не хватало этих 165 метров, чтоб крышак поехал. Я шевелил губами, думал вслух. Теперь услышал заинтересованное сопение и голос: «Повидал, знаю, вот потому ты и здесь». Позади и надо мной громоздился Нджаро, я его отчетливо представлял, жгуче-черного гиганта в масайской в красную клеточку тоге, с палкой. На ногах самодельные, вырезанные из старой автомобильной шины сандалии. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что это были натуральные галики, но тогда, на горе, я эти видения воспринимал как вполне обычную реальность. Я видел Нджаро, и мне даже ни к чему было оборачиваться. Да и нельзя оборачиваться, не положено простому смертному глазеть на Бога. Другое дело, его творение. На него как раз и нужно было обратить свой взор. Для этого сюда и призван я, сибирский валенок, коллекционер снегов.

Вот они тут передо мной во всей своей славе и блистательном великолепии – снега Килиманджаро. Об этом я свидетельствую миру, с негодованием отвергая распространившиеся слухи, что снега растаяли в связи с потеплением климата.

«Ну как?..» Как всякий художник, творящий монументально, божественный Нджаро немного отступил, чтобы с расстояния охватить взглядом раскинувшиеся на километры и поднимающиеся до двухсот метров и выше ледяные творения. Сталагмиты необычайной формы и причудливой фантазии светились изнутри, взблескивали отраженным небесным светом. Нет таких эпитетов и сравнений, чтобы передать всю их надмирную красоту, потому что нельзя сравнить ни с какой земной формой. Это просто форма, и нет никакого видимого содержания, потому что на земле нет соответствующих реалий, с которыми можно было бы сравнить. Нет лекал и рулеток, которыми можно поверить, нет алгебры, но есть гармония. Полный отрыв... Отрыв формы от содержания – отвалилось сгоревшей ступенью. Сама форма самодостаточна в силу того, что достигла совершенства и больше не нуждается в содержании. А было ли оно? Что рассуждать, нам недоступен промысел Богов.

Нджаро насупил посеребренные инеем брови, подергал себя за мочку уха, сквозь дырку которого посвистывал ветер, задумался. Два миллиона лет кропотливо изо дня в день с помощью мороза и влаги, солнца и ветра он создавал этот величайший в мире скульптурный комплекс и сейчас как взыскательный художник счел возможным поправить кое-что. Большие губы сложились цветком, легонько дунул – из холода его дыхания, лучика солнца и любви его большого сердца родилась кристальной чистоты капля, она покатилась сверху вниз по колонне сталагмита, достигнув нужного места, определенного его взглядом, дрогнувшей ресницей, прозрачно затвердела. Совершенство не может быть окончательно застывшим, впереди еще миллионы лет работы. У Бога времени много. А Боги, как и мы, идут вперед и выше, достигая новых высот.

Кибо Хат далеко внизу, за облаками. Спуститься вниз представляется нереальным.

– Поле-поле, – напоминает мне Ники.

– Поле-поле, – повторяю я, и у меня появляются силы. Совсем немного, всего на один маленький шагок.

Добрались до лагеря к двум часам, упал на полати и заснул, через час меня разбудил Серега – пора в путь. В этот день нам предстояло пройти еще 15 километров, спуститься вниз на тысячу метров. Дошли. Переночевали в лагере Хоромбо. И на следующий день закончили маршрут.

Ну и для чего все это? Что, как говорится, в сухом остатке? Серебро снегов растает в моей памяти, мои вершинные переживания сгладятся, когда я спущусь на равнинную повседневность, и я, как Плим, останусь ни с чем?

Нет, спустившись с вершины, я не утратил ее высоту, с этой высоты я теперь смотрю на многие вещи и вижу их иначе, в ином свете.

О Килиманджаро я думаю неотступно. Все иду, карабкаюсь... Наверно, это никогда не кончится.

Килиманджаро, я навеки твой!

В ПОИСКАХ МАРАКУЙИ

1

Вернулся домой, друзья спрашивают:

- Где был?
- В Африке.
- Ну, и как там девочки?
- Насмотрелся чудес, – говорю, – льва видел – вот как тебя...
- Мы про девочек спрашиваем.
- Или Килиманджаро...
- Нет, давай про девочек.

Это было в Кении. Однажды наш друг Дэвид повез нас в гости к своим родственникам в деревню Джуджа Фан. В честь нас на наших глазах был зарезан петух и зажарен на углях. К нам еще присоединились барменша Фелиста и ее подружка-хохотушка, которую все называли Кенией. Ночью мы сидели у костра, пили пиво «таско», жевали непрожаренного петуха и пели песни, сначала они – свои африканские, затем мы – наши русские. А потом вместе одну – «Катюшу». Зажигательная песня, вскоре звери в саванне стали подвывать.

– Выходилъя набирик Катюшка...

– Не Катюшка, а Катюша, – поправлял я, – уважительнее попросил бы...

Дэвид-кузен подтаскивал «таско», а наш Дэвид уже в который раз предлагал девочек. Он уже показал сарайчик, который был выделен нам, москитная сетка над кроватью гарантировала: малярией мы не заразимся.

– Ну и какие у вас цены? – для вежливости поинтересовался Серега.

– От 150 до 1500 шиллингов.

Получалось меньше, чем от двух долларов.

– Почему такой разбег цен?

– Цена зависит оттого, куда я приведу девочку. Если в сарайчик – 150, если в отель «Париж» – 1500.

– А пятерых можешь привести?

– Зачем тебе пять? – удивился Дэвид.

– Можешь или нет?

– Да хоть десять! Браво мзунго! – ударил он меня в грудь.

– Зачем пять? – усомнился Серега в моих способностях. – Это в тебе «таско» говорит, немудрено – столько вылакает.

– Есть старая офицерская игра, называется русская рулетка. Из пятерых выберу одну. Если по статистике, каждая пятая со спидом, получается, как в револьвере: пять патронов – один с пулей.

– Я в такие игры не играю, – испугался Серега, – и тебе не советую.

– А мы с Дэвидом.

– Окей! – поручался со мной Дэвид, – Фелиста, Кения, – позвал он девушек, усердно прилагавшихся к «таско», – ведите подружек, будем играть в рашен рулетка, – и он перешел на язык суахили, посвящая их в суть игры. Они вдруг начали смеяться, чем дальше, тем больше, а потом и вообще схватились за животики.

– Что смешного?

Их насмешило слово «спид». Дэвид сказал:

– В прошлом году у меня был насморк, маленьким я болел скарлатиной и падал со шкафа, а что такое спид – понятия не имею.

По сути, они смеялись надо мной, над моими страхами и над моей вроде бы научной статистикой.

Катались и никак не могли успокоиться. Моралист Серега смотрел то на меня, то на них, тут его лицо тоже просветлело робкой улыбкой, и он с надеждой спросил:

– Шутка?

– Ладно, – пощадил я друга, – шутка.

Серега облегченно вздохнул, а Дэвид огорчился, полагая, что я недооценил его девочек.

Дядя Мунгаи предложил в честь нас, дорогих гостей, зарезать еще одного петуха, но мы наотрез отказались, помня, как страшно кричал, прощаясь с жизнью, тот, предыдущий.

Кения, заглядывая мне в глаза, спросила:

– Тебе нравится здесь? Как Кения?

– О! – я картинно откинулся назад, отставил «таско», окинул девушку долгим и пристальным взглядом, – фантастически красивая страна, география весьма разнообразна: есть горы, – я впился глазами в тектонически от взрывов хохота подрагивающую холмистую возвышенность, вспомнив, что у нас в Красноуфимском районе есть две горушки, прозванные в народе Титичными, и успев подумать о том, что в стране Кения самая высокая гора тоже называется Кения. – Есть озера, – продолжал я, любуясь ее черными и влажными, как у газели, которую мы чуть не задавили в парке Накуру, глазами, – глянешь и утонешь, – есть глубокие впадины, пустоты, – губы у нее были пухлые, как у девчонок племени кикуйя, а зубки, как у шиншиллы, только тычком вперед, какие сплошь и рядом у масаек; я видел, как она ловко лушила кукурузу и даже позавидовал, однако каково при таком прикусе целоваться? А что еще меня ждет? Каких открытий чудных предстоит мне совершить, коль я отважился проникнуть в самые потаенные географические глубины?! Эксперимент намечался небезопасный, но интересный. – Неповторим растительный мир:

кофейные и чайные плантации, саванна, тропические джунгли кишат разнообразными животными... – Осмелев, я потрогал ее за волосы, за одну из 148 тоненьких, не толще шнураков на моих ботинках, косичек.

– Географ, – важно сказал Серега, – Гумбольдт хренов! Это в тебе «таско» говорит.

– Пусть говорит, – икнув, прихлебнул я из бутылки, – пусть уже выговорится наконец... ик.

– Все в пень уйдет, – опытно заметил Дэвид, – уже тащи ее в сарайчик.

Пришел мой час действовать решительно, где-то даже грубо, соответствуя мужской животной природе. Кения смотрела на меня кроткой, готовой принести себя в жертву овечкой, Серега – с презрением, Дэвид – ободряюще, Фелиста – с любопытством: пятерых подавай, посмотрим, какой ты на деле. «Пуц-пуц-пуц», – подозвала она кошку, давай гладить – кошенка выгнула колесом спину, задрала трубой хвост и посмотрела на меня со своей затаенной кошачьей надеждой; и с дерева также упал переспевший плод папайи – шмяк! – и выбросил желтое семя прямо на землю – его тотчас склевали куры, которые озабоченно толклись во дворе и тоже в эту ночь не спали. В итоге, вектор, суммируя, указывал однозначно в сарайчик. Однако я оглянулся и увидел юную кузину Алис, которая не принимала участия в нашем застолье, но с крыльца дома за ним наблюдала. Она прямо вспыхнула. Чистое, непорочное дитя, застенчивая смуглянка смотрела на меня с укором: «Этого не может быть: ты, Белый Бог, спустился с неба на землю, чтобы пойти в сарайчик с этой драной пантерой?!..Почему не со мной? Я и моложе, у меня и лабретка в щеке (типа стразы, только из камня), и дырки в ушах – такие, что наш ослик Ио проскочит...» Может, она так и не думала, может, во мне продолжало говорить «таско», однако вектор дал сбой, задержался, как стрелка компаса, попавшего в зону геологической аномалии, и вместо того, чтобы сделать твердый мужской шаг в сторону сарайчика, я застыл в замешательстве...

И тут пропел петух, тот самый, которому мы сохранили жизнь, великодушно отказавшись от дополнительной порции шашлыка, возвещая о том, что наступил новый день. Первый робкий солнечный луч поддурманил обильно висевшие на деревьях плоды папайи. Среди них виднелись уже спелые, срывай хоть сейчас, и много еще зеленых, на будущее. Воистину, будет день – будет пища, и будут еще на нашу маракуйю новые приключения.

И точно, приключения продолжились в Малави, в городке Мзузу...

Вывалились из автобуса, выволокли вещи. Нас окружили, на нас смотрели, нас приветствовали. Белые редко посещают эту страну, не находя особых достопримечательностей. На самом-то деле они есть – это, конечно, озеро, размерами чуть меньше Байкала, водяные гиацинты и рыба чамбу. Но самой главной достопримечательностью Малави, как и в целом Африки, являются, как вы понимаете, шоколадные девочки.

– Джентльмены, нам нужен отель, – обратился Серега, к окружившей нас шумной ораве. Одет он был просто: курточка с колпачком, ярко-желтые шорты и пластмассовые с дырочками шлепанцы на босу ногу. И был он приветлив, открыт и разговорчив, к нему тянулись люди. Рослые парни схватили наши большие рюкзаки, двое подростков поволокли большущую Серегину сумку, а мелкий, шкет-негритенок, взял наизготовку киношный штатив – два рюкзака поменьше с фото и кинокамерами мы надели на собственные плечи и, сопровождаемые черной ватагой добровольных помощников, двинулись к отелю. По дороге Серега рассказывал о событиях в мире, о новейших достижениях науки, словом, просвещал народ. В один отель зашли, и в другой... Весь город прочесали, а устроиться не можем. Отели есть, и дешевые, но на взгляд Сереги, слишком уж гадкие.

– Мы что себя не уважаем?! – восклицал он.

Я уже не уважал себя настолько, что готов был уснуть где-нибудь в канаве. Двое суток мы добирались сюда на перекладных, порядком измучились. Наконец, когда рассказ Сереги об отправке космического корабля американцев на Марс подходил к концу, мы подошли к гестхаузу.

– Сэры, это последнее место, где можно прибиться на ночь таким приличным господам как вы, – сказал один из парней.

Серега выдал всем по доллару, и мы простились с нашими провожатыми. Комната стоила 20 баксов. На редкость гадкая, если смотреть трезво, и, конечно, без горячей воды.

Между тем, на стене дома напротив огромными буквами значилось: «Гестхауз».

– Ладно, – сказал я. – Стой с вещами у столба, я проверю: вдруг там лучше?

Захожу – вместо ресепшна вижу барную стойку, джентльменов за столами с пивом, и леди, которые также цедят из кружек пиво.

– Джамбо! – поздоровался я.

Онемело смотрели на меня, вдруг разом наперебой закричали:

– Джамбо! Мзунго!.. Велкам!

Я сказал, что ищу, где переночевать. И это вызвало еще больший восторг. Потный джентльмен с перебитым носом, но в белой рубашке и при галстукe, протянул мне кружку пива – рука тряслась от избытка чувств, пиво проливалось, и я не посмел отказаться, осушил кружку единым духом, став сразу в доску своим. Над барной стойкой я увидел небольшую табличку «Nightclub».

– Гестхауз ли это? – засомневался я. – Джентльмены, я не ошибся дверью?

– А то как же! – смеялись они.

– Где тогда ресепшн?

Мне указали на проход за барной стойкой. Я прошел по узкому коридору, открыл первую попавшуюся дверь... на кровати, под красным абажуром полулежала полуодетая девица, в руках детская книжка комиксов. Увидев меня, она тряхнула головой, как бы проверяя, не видение ли это. Легко соскочила с кровати, подошла, осторожно пальчиком дотронулась до моей щеки.

– Мзунго! – изумленно произнесла она.

Похоже, что-то здесь не так. Все же я сказал, что нас двое и мы хотели бы устроиться на ночь. Очевидно, девица английский не владела, или я от волнения не мог связно выражаться. Она часто, как собака, задышала, дернула за молнию на моей курточке.

– Ноу! Вы не так поняли, только переночевать! – Я выскочил из комнаты как ошпаренный, побежал по коридору. Навстречу женщина с ведром и шваброй.

– Скъюзми, где у вас ресепшн?

Она указала на комнату. За столом сидела пьяная старуха. Это был единственный раз, когда я увидел в Африке пьяного человека.

– Это гестхауз?

Старуха кивнула.

– Мне нужна комната на двоих с душем.

– Двадцать долларов.

– А посмотреть?..

Пошатаваясь, бренча ключами, старуха пошла по коридору, поднялись на второй этаж...

– Люци! Кого я тебе привела! – из комнаты вышла заспанная в белой ночной рубашке толстушка.

– Ноу! – опять закричал я, – только переночевать! Айм слипи! Спать. Ну как вам еще объяснить?! Онли ту слип! Только спать!

Они соглашались со мной, но слова «переночевать» и «спать», понимали по-своему. Толстушка надвинулась на меня, прижала мягким буфером к стене, ее груди поперли из-под рубашки, как темное ржаное тесто из квашни.

– Только спать, – передразнила она и посмотрела на меня чуть насмешливо, но с неподдельной добротой и любовью: чего испугался, дурашка? Акуна матата, все будет хорошо!

Не знаю, чего я испугался. Побежал по коридору, увидев выход на галерею, ломанулся туда. В окна я заметил лестницу, по которой можно было сойти с галереи на землю и таким путем ретироваться. Пол галереи был дощатым и хлипким, видимо, никто уже много лет на него не ступал, и по всему видно, что здесь намечался ремонт. Я сделал несколько шагов и провалился. «А-аа!» – услышал я истошный крик. Мягко приземлившись, я обнаружил себя в кровати, огромной, как танкодром, – слева перекатывал мускулы мордатый негр, справа вопила маленькая голюсенькая негритосочка. Видимо, отдыхали после любовных утех, и я тут очень кстати образовался. Кровать же стояла на веранде, выходящей в сад, где росли фиги и авокадо, цвела бугенвиллия.

– Тихо ты! – сказал негр-громила своей подруге, – глян, кого нам послал бог Нгаи. – И он потянулся ко мне черной волосатой рукой и взял меня за грудки, чтобы внимательно, как диковинку, рассмотреть.

– Джамбо! – поздоровался я.

– Джамбо! – сдержанно поздоровался и он.

– Акуна матата! Все у тебя будет хорошо! – сказал я.

И он разжал пальцы и сверкнул белыми зубами, чуть даже улыбаясь в ответ. Я знал, что говорю: нет такого человека в Африке, который бы в ответ на «акунa матата» не улыбнулся, будь даже это воин, занесший копье над врагом.

– Смотри-ка, беленький, как молочко, – перестав орать, сказала негритосочка, – пусть полежит с нами.

– Сорри! Извините, мне... меня друг ждет, сейчас я за ним, мы вместе, айн момент..

– Я скатился с кровати, перемахнул через ограждение веранды, пробежал по саду – передо мной высокий забор – мигом взлетел на него и спрыгнул по другую сторону, где был рынок. Угодил на связку бананов, торговка еще не успела опомниться и предъявить счет, а я уже достал несколько местных тугриков – квоча называется, – заплатил за попорченный товар и был таков.

– Ну и как там? – спросил уже потерявший меня Серега.

– Те же самые 20 баксов... Нас там ждут. Пожалуйста, если хочешь.

– Ну а вообще, обстановка?

– Там веселее – зато здесь спокойнее.

Смотреть трезвыми глазами на гадкое убранство гестхауза мы не стали – сходили в магазин за ромом. Приложились, запивая соком маракуйи. Эта сладкая дрянь имела хороший градус и оказалась отличным средством для дезинфекции организма. Вскоре стены гестхауза казались нам уже вполне пристойными. Мы забрались в свои спальники и задали храповицкого. Даже не стали залезать под москитные сетки.